XI 199 №1

Хлѣб, воля и правда.

Среда, 25 Октября 1917 г.

Угнетенные всего земного шара, об'единяйтесь!

БЕЗНАЧАЛІЕ

Ни Бога, ни природы!

Прямо к цѣли!

Принимается подписка на еженедѣльную газету „Безначаліе“. Цѣна подписки до конца года 3 р.

Редакція и контора: Петроград, Троицкая, 23. Союз пяти угнетенных. Открыта ежедневно, от 5-ти до 7-ми час.

Да здравствует соціальная и культурная революція!

№ 1. Орган союза пяти угнетенных. Цѣна 25 к.

Союз работника, женщины, угнетенной національности, молодежи и личности.

Основныя начала пананархизма.

Пананархизм буквально означает все-анархизм „пан“ по-гречески—„все“.

Пананархизм это расширенный и членораздѣльный анархизм который, помимо идеала безвластія заключает в себѣ еще четыре идеала, а именно, *Коммунизм* с его „все—всѣм“! педизм или освобожденіе ребенка и молодежи из тисков рабскаго воспитанія, космизм (національнокосмополитизм) полное освобожденіе угнетенных національностей и, наконец, гинантропизм т. е. освобожденіе и очеловѣченіе женщины. Всѣ эти пять идеалов, вмѣстѣ взятых, обозначаются общим названіем: „*пананархизм*“.

Пананархизм означает синтез (соединеніе) всѣх главных соціальных идеалов, актов (дѣйствій) и устремленій к коренному перевороту и перестрою *всего* общества и хозяйства, и семьи, и школы, и института управленія. В области хозяйства анархизм означает замѣну капиталистическаго строя коммунистическим, отмѣну частной собственности на землю, орудія производства и предметы потреб- [illegible] купли-продажи истинным единоженством и единомужіем любви, равно как и замѣну современнаго господство мужа в семьѣ (андріорката) и господства мужчины в жизни (андрократіи), юридическаго и фактическаго главенствованія мужчины,—одинаковым равным с мужчиной добровольным участіем женщины во всѣх отраслях труда и творчества, как и одинаковым пользованіем всѣми благами общества. В школѣ—замѣну современнаго книжнаго воспитанія с его внушеніем религіозных и научных предразсудков дѣтям и молодежи практическим приспособленіем их к жизни, обучая их, чисто-практически, необходимым для жизни техническим искусствам и предоставляя им полнѣйшую свободу самоопредѣлиться, право на самобытное творчество, на самостоятельность мысли и оригинальность міровоззрѣнія. В институтѣ управленія по отношенію к національности: замѣну современнаго территоріальнаго строя с его государственными границами, отечествами, с его правом національно частной собственности на территорію, націонал-космополитическим порядком, при котором нѣт ни отечеств, ни границ, а есть лишь всемірные свободные союзы одинаково свободных націй, которым всѣм им вмѣстѣ, *коммунально*, принадлежит весь земной шар. „Весь земной шар всему человѣчеству“—таков девиз пананархизма в противовѣс территоріализму-имперіализму, который говорит: весь земной шар мнѣ, хищнической націи.

В институтѣ организаціи управленія по отношенію к личности пананархизм означает уничтоженіе власти, государства, всякаго принудительнаго права, судов, тюрем, милицій и проч. и управленіе обществом путем добровольнаго соглашенія.

Пананархизм это идеал союза пяти угнетенных. Он зовет к единенію и сплоченію всѣх угнетенных, к сооруженію всемірнаго объединенія угнетенных, интернаціонала угнетенных или *всемірнаго союза* пяти угнетенных, для легчайшаго разрушенія существующаго строя, который зиждется на пяти видах угнетенія.

Пананархизм всячески поощряет и берет на себя инициативу объединенія угнетенных, каждаго из пяти угнетенных коллективов современнаго общества: как то интернаціонала работников, интернаціонала молодежи, интернаціонала угнетенных національностей (итерриторіалата), интернаціонала женщин и интернаціонала развитых личностей, направляя эти пять интернаціоналов в сторону образованія одного общаго интернаціонала угнетенных, анархическаго интернаціонала, всемірнаго союза пяти угнетенных, кладущаго в основу свою Солидарность всѣх угнетенных и строющагося по принципу равноцѣнности всѣх угнетенных.

Пананархизм означает все-разрушеніе, разрушеніе всѣх пяти строев современнаго общества.

Пананархизм таким образом, имѣет цѣлью не освобожденіе одного угнетеннаго путем угнетенія других угнетенных, как, например, провозглашеніе диктатуры пролетаріата а освобожденіе всѣх угнетенных, освобожденіе всего человѣчества, освобожденія всѣх угнетенных коллективов.

Пананархизм освобождает человѣчество и от рабства капитала, и от рабства власти, и от рабства образовательнаго воспитанія, и от рабства домашняго хозяйства, и от рабства отечеств.

Пананархизм уничтожает всѣ пять видов угнетенія современнаго общества; и 1) экономическаго, и 2) 3) политическаго (а) индивидуально-политическаго и в) національно-политическаго), и 4) школьна- [illegible]

Проще: анархизм требует, чтоб не было ни бѣдных ни богатых; чтоб не было ни повелителей, ни подчиненных; чтоб не было ни господствующей націи, ни угнетенных; чтоб не было ни порабощающих учителей, ни порабощенных учеников, и чтоб не было мужчин—господ и женщин—рабынь.

Всѣ эти желанія-требованія одинаково важны для пананархизма, ибо всякое возвеличеніе одного угнетеннаго над другими, даже въ смыслѣ руководства и главенствованія, он клеймит как эксплуатацію других угнетенных человѣчества, в пользу класса, группы.

Но пананархизм означает не только освобожденіе от *пяти видов угнетенія*, но к тому еще и освобожденіе угнетенных человѣчества от двух *обманов*, обмана религіи и обмана науки, которыя в сущности являются лишь двумя разновидностями одного обмана, обмана угнетенныхъ угнетателями.

Пананархизм гласит, что религія и наука были придуманы, как средство отвлеченія вниманія угнетенных от дѣйствительнаго, чувственнаго міра, давая или обѣщая им взамѣн него надчувственный мір: сверхъестественный (религія) или отвлеченный (наука).

Пананархизм разсматривает науку, как реформированную религію, и природу как реформированнаго бога: наука есть религія буржуазіи, как религія была наукой помѣщичества и рабовладѣльцев.

Пананархизм провозглашает *вселенское безначаліе*, космическую анархію, анархію во всем!

Всѣ понятія религіи и науки не только буржуазно-угнетательски таят в себѣ сѣти и тенета, удочки и подвохи для угнетенных—они и лживы, варварски-глупы, ограничены, наивны и комичны, противорѣчивы и эклектичны.

Наука есть одно недомысліе европейскаго дикаря, как религія недомысліе азіатскаго дикаря. Обѣ один клубок противорѣчій и путаниц: бог и не бог, причина и не причина; бог реальный строитель и бог строящій из „ничего“, значит уж сам „ничто“, абсолют, не бог; причина доводится до первопричины, значит уж самопричина, не причина.

Бог и Природа человѣкообразны (антропоморфизм). Эскимос создает их по охотѣ своей на бѣлаго медвѣдя (мір произошел из бѣлаго медвѣдя), іудеи—по своим ремеслам (бог столяр, плотник); Ньютон-Кант-Лаплас создают Природу по европейской механикѣ, Дарвин и Спенсер—по английским коннозаводам (естественный и половой подбор по образію и подобію искусственнаго подбора англійскаго коннозаводства).

Царство небесное и царство природы, ангелы, духи, черти, молекулы, атомы, эфир, Законы Бога-Неба и Законы Природы, силы, воздѣйствіе одного тѣла на другого—все это вымышлено, создано обществообразно (соціоморфизм).

Бог это образ абсолютнаго монарха Азіи; законы небесные, законы звѣзд, астрологія Ассиріи и Вавилоніи, это законы царскіе; законы природы это законы государственные, воздѣйствіе это принужденіе. Природа и силы это образ и подобіе европейских конституціонных монархов и конституціонная бюрократія; иногда Природа являет и подобіе президента демократической республики.

Пананархизм же учит, что вселенная не человѣк, и не общество, а потому не имѣет ни начала, ни конца, ни происхожденія (космогеніи), ни причин, ни законов, ни кнутов-воздѣйствій.

Вселенная, каждое явленіе всегда „в себѣ“, анархически-индивидуально или анархически-коммунально выражаясь образно; вселенная самопричинна, и всякое явленіе всегда самопричинно.

[illegible] никакого внѣшняго, навязываемаго принудительнаго порядка, а *анархія*, т. е. внутренній (имманентный) порядок, самостный и самопричинный. Нѣт никакого воздѣйствія, а есть дѣйствіе, точнѣе, свойство, а свойство и вещь тождественны.

Пананархизм, находя корень ошибки религіи и науки в том, что первая является *плодом фантазіи*, а вторая *плодом интеллекта* (умственнаго воображенія, т. е. отвлеченія), считает и объявляет истинными лишь чувства и технику.

Культурой народа, культурой Трудящихся, культурой Угнетенных он считает лишь технику в широком смыслѣ этого слова, включая сюда всѣ ремесла, всѣ полезныя искусства и проч., и нарекая ее Пантехникой (всетехникой).

По отношенію же к обществопониманію Пананархизм отрицает всѣ законы соціологіи, соціальную природу и соціальную эволюцію (развитіе), ставя вмѣсто них (*соціотехнику*) общестроительство с его провозглашеніем права на соціальное изобрѣтеніе, соціальный эксперимент и соціальную попытку.

Пананархизм, покрывающійся техникализмом, означает, таким образом, не только все анархія (безначаліе) и вездѣ анархія. Но и сейчас—анархія, вмѣсто соціалдемократической эволюціи и реформы получается лозунг Соціальной революціи, подтверждается золотое анархическое правило: Прямо к цѣли!

Итак—

Да здравствует Безначаліе!

Бр. Гордин.

Солдат и Соціальная и Культурная Революція.

О соціальной революціи говорили анархисты с первыхъ же дней революціи. Черное знамя, которое развивалось над „дачей“ Дурново, гордо и грозно провозглашало: Да здравствует соціальная революція. Но анархисты изгнаны. Черное знамя с 3—5 іюля больше не показывается на улицу. Анархисты, освобожденные из тюрем (не побывавших в республиканских тюрьмах анархистов в Петроградѣ почти что нѣт), ушли в литературную и пропагандистскую анархистскую работу.

Почему нынѣ еще пуще прежняго грозный призрак Соціальной Революціи кошмаром давит буржуазное общество?

Почему и нависла гроза Культурной Революціи?

На это один лишь отвѣт: голод, разруха, окопы самые страшные анархисты.

Революціонный солдат—живая Анархія!

Разореніе, безработица, ненормальная жизнь и ненормальная смерть, безпочвенность и необезпеченность, все это дѣлают средняго мирнаго человѣка революціонно-взвинченным, мѣщанина — бунтарем.

Вѣчное пребываніе в опасности, опасности смерти, голода, налета цеппелинов и проч. дѣлает труса отчаянным, рѣшительным; чисто-животный страх исчезает, цѣнность жизни падает, создается психологія: „ничего не потеряешь“.

Главная помѣха революціи это „привычка“, косность. Твои предки жили под этим игом, и ты родился под ним, они гнули спину, ты и гнул до сих пор, продолжай же, отчего берешь вдруг возмущаться, бунтарствовать. Что скажут знакомые, родные. Что скажет село, деревня. Твои предки вѣровали в бога, в природу, родились, воспитывались, вышли в люди, вѣнчались, родили дѣтей, вели хозяйство и умерли все по [illegible] церковному, научному и государственному закону. С какой стати станешь ты отступать от общепринятаго. Они работали, изнурились, временами голодали по-настоящему, а всю жизнь провели впроголодь; но все безропотно, покорно, смиренно по-христіански. Не станешь же ты вдруг ни с того ни с сего плевать на икону, бросать крест на земь, хулить бога, поносить попов, старших, начальство (если ты житель деревни), и плевать на науку, осмѣивать Соціальную Природу, ругать академиков, ученых профессоров, отрицать мнимые законы Природы и слишком „реальные“ законы государства, огрызаться на дарвинизм, лягнуть в эволюцію и дерзнуть пожелать перестраивать жизнь твою и общество по-революціонному, на новый лад, по небывалому, вопреки лживо-научным законам и министерским указам (если ты житель города).

Но все это в обыкновенное время, когда цикл (круг) твоей жизни опредѣлен формулой: трудиться — жениться — плодиться — разложиться (умереть). Умереть — рѣдко — нормально, на склонѣ лѣт; часто — вырождаясь, изнуряясь, преждевременно увядая от непосильнаго труда, от негигіенических условій жизни. Но все это дѣлается тихо, смирно, без отголоска, никого не возмущая, никого не задѣвая, никого не поражая. Все по установленному, как полагается, как слѣдует быть. Жизнь тогда стоячее болото без шквалов, без волн, даже без ряби.

Но вот міровая катастрофа. Рушатся устои, все ходуном ходит. Все кругом тебя, небо, земля дробится, как стекло.

Всѣ привычки, обычаи, приличія улетучились, как дым. Мѣщанин, раб своего уголка, городка конторки вышвырнут в водоворот без дна, крестьянин раб „полоски“ заброшен за три девять земель.

Солдат, ты без среды, безъ крову, без прошлаго—без бога, без черта.

Ты одно „без“... без, без...

Солдат! Ты убійца, но не прозябающій мѣщанин; ты *ничего* не имѣешь, а потому имѣешь очень *многое*.

Ты гол и бѣден—ты не имѣешь настоящаго, но зато ты так богат—ты не имѣешь прошлаго!

„Они“ тебя дѣлали преступником, взваливая и ношу убійства, тяжелую, как земля, на твои перегруженныя плечи,—ты им и за это отомстишь. Нѣт! Само зло, само их злодѣяніе им отомстить.

Они тебя обучают убійству—ты и станешь, будешь *их* убійцей...

Ты без прошлаго, без прошлой мѣщанской добродѣтели, и даже без прошлаго твоего преступленія, ибо каждый час в тебѣ живет самостоятельно без связи с предыдущим и без преемственной связи с послѣдующим.

Ты внѣ пространства — оторвая от родной почвы; ты внѣ времени—одинокое звено, отбившееся от цѣпи времен.

Гдѣ родное село? Гдѣ молодость?

Ты невѣжественный геній, ты способен стать творцом новой жизни.

Ты „невѣжда", ты не имѣешь „культуры" — вот и будешь потому носителем Новой Культуры.

Ты невѣжество, а потому Ты — Культурная Революція.

Тебя оторвали от могил предков, от родных крестов, тебя забросили в далекую даль.

Ты без родин и „родины", ты и без духовной родины.

Ты сражаешься за „родину", не имѣя ея.

Ты бобыль, ты и духовный бобыль.

Ты нищій, ты и духовый нищій, но зато ты принц Соціальной и Культурной Революціи.

В скитаніях, походах, боях и свалках ты потерял все: и твое прежнее „я", и своих родных, и родного бога. Вот и выскитаешь себѣ новое „я", новую Безродину и воцаришь Нецарство Безбожія на землѣ.

От стараго феодальнаго религіознаго (помѣщичьяго) берега отстал, к буржуазному-научному берегу не пристал—ты несешься по *волнамъ Анархіи к полному Безначалію*.

Солдат! Ты и потребуешь возмездія за содѣянное над тобою духовное убійство:

— Зачѣм вы меня дѣлали убійцей?

— Зачѣм вы взвалили ваше преступленіе на мои плечи?

Но ничего. Не горюй.

Ты плывешь в безбрежном океанѣ крови, но выплывешь на брег Спасенія и утвердишь там град солнца, довольства и радости—всѣм!

Хлѣб, Воля и Правда—всѣм!

Солдат! Ты забыл твое мѣщанское прошлое, ты и забудешь преступное настоящее войны. Ты бросишь и забудешь его, ибо оно слишком кошмарно, — ты забудешь его, ибо это не твое, это не ты содѣял,—это твой умершій мѣщанин немог пробудиться к жизни Человѣка, Личности, не проходя через горнило мірового пожара.

Но ты больше не мѣщанин, и не преступник, а Человѣк-Творец.

А вот этого то твоего третьяго превращенія, Солдат, и боится міровая реакція, всѣ угнетатели, всѣ эти командующіе, генералы, попы, ксендзи, папы, муллы, академики, ученые и профессора.

Им всѣм нужен мѣщанин для мирнаго прозябанія, и преступник для боен, тюрем, каторги и миліціи—но им страшен Свободный Человѣк. Попам и профессорам нужен раб мысли, им нужен трус реальной земли и герой неба (религія) и фантазій будущаго (наука), но не Творец Земли, не Творец Настоящаго. Им нужен и мечтательствующій мѣщанин угнетенный, для котораго они создали надчувственный мір: сверхъестественный мір религіи и отвлеченный мір науки, но им страшен дѣйственный, мощный, гордый и трезвый Человѣк—Угнетенный, желающій претворить свое угнетеніе—несчастіе в свободу и счастье на землѣ, на реальной землѣ и сейчас же, сію же минуту, без обманных эволюцій — без этих химер-созданій англійской мѣщанской глупости, называемой наукой.

Этого Человѣка, плюнувшаго на лживое „царство небесное" Христа и на обманное „царство Будущаго" Маркса и творящаго Безцарствіе Настоящаго, этого истиннаго человѣка и истиннаго Творца боится трусливенькая соціалическая интеллигенція, и великим страхом перед ним об'ята ученая, настоящая интеллигенція.

Боятся—и не даром.

Этот „варвар" разрушит вашу культуру.

Солдат, тебя боится соціал-демократія, но не боятся анархисты.

Солдат, осѣнись черным знаменем разрушенія и твори!

Солдат, осѣнись черным знаменем и прозгласи:

Да здравствует соціальная и культурная революція!

„Неумѣренныя" требованія рабочих.

Всѣ буржуа в один голос кричат о неумѣренных требованіях рабочих. Посмотрим, возможны ли съ точки зрѣнія объективной (безпристрастной) морали (нравственности) „неумѣренныя требованія рабочих?"

Конечно, нѣт. Всякое требованіе рабочих справедливо. Быть может рабочій руководствуется узко-эгоистическими шкурными соображеніями, но в том то и дѣло, в том то и особенность морали угнетенных, что она является объективный моралью всего человѣчества (кромѣ кучки угнетателей), что „шкурные" интересы угнетенных суть „шкурные" интересы человѣчественной (надклассовой) морали, „шкурные" интересы культуры и прогресса.

Эгоизм угнетенных есть самый высшій альтруизм.

Борьба отчаянная, задор, неуступчивость, несговорчивость, несоглашательность угнетенных есть величайшіе их добродѣтели. Напротив, уступничество, умѣренность, соглашательство, меньшевизм есть преступленіе не только перед своим классом, а перед всѣми пяти угнетенными, и не только перед угнетенными, а перед всѣм человѣчеством, перед культурой (истинной, а не угнетательски-разбойничьей).

Словом, максимум (самое большее) противленіе злу, максимум недовольства, максимум возмущенія, максимум возстанія против міра угнетенія.

Кротость, смиренность, уступчивость, непротивленіе злу — это нужно проповѣдывать угнетателям (послушаются ли хоть нѣкоторые из них или никто — это их дѣло), ибо чѣм *умѣреннѣе, уступчивѣе*, соглашательнѣе они будут, с точки зрѣнія общечеловѣческой морали, всегда совпадающей с моралью угнетенных, тѣм меньше жертв будет с их стороны и со стороны угнетенных.

Но угнетенным нужен максимум завзятости, максимум *непримиримости*, максимум эгоизма угнетенных.

Максимум неумѣренности, максимум эгоизма (собственной пользы), ибо он есть максимум альтруизма (польза ближняго), максимум раскрѣпощенія угнетенных — максимумъ идеала.

Буржуазія и прочіе угнетатели могут и должны всегда уступить, ибо черт не возьмет буржуазію, если у нея будет немножко или немного меньше прибавочной стоимости, черт не возьмет министров и генералов, если у них будет поменьше власти, черт не возьмет учителей мучителей, если они меньше будут тѣшиться над дѣтьми, поменьше задавать уроков, черт не возьмет мужчину-обывателя, если поменьше будет эксплоатировать женщину, и черт не возьмет государство — господствующую націю, если оно будет имѣть меньше централизма, меньше власти над другой націей.

Угнетатели должны быть „непротивленцами", тогда перестройство міра пройдет безкровно. Чѣм болѣе непротивленчески они будут, тѣм лучше для общества, для человѣчества, для будущих поколѣній.

Но не смѣйте проповѣдывать умѣренность и примиренчество и псевдоальтруизм (ложная любовь к ближнему, т. е. к буржуазіи), ибо халатное отношеніе угнетенных к своим интересам не есть заслуга, не есть добродѣтель, а преступленіе, преступленіе перед человѣчеством.

„Неумѣренныя требованія рабочих!" но гдѣ же они? мы их не видим, мы видим кругом лишь умѣренность и уступничество.

Были бы „неумѣренныя требованія рабочих!", то давным давно отобраны были фабрики, экспропріированы всѣ богатства,—была бы давным давно коммуна и анархія.

Бѣда именно в том, что требованія рабочих слишком то умѣренны, умѣренны по отношенію к самим себѣ и ничтожно-умѣренны по отношенію к другим угнетенным.

Бѣда именно в том, что рабочій застыл на соціал-демократической программѣ-минимум и на скудной яко-бы максимальной программѣ-максимум лже-большевиков.

Истинная программа-максимум рабочих, программа всѣх бѣдных и голодных, программа всѣх угнетенных, программа максимум, не имѣющая программы-минимум — это программа пананархистов, программа Союза Пяти Угнетенных.

Господа буржуа! напрасно вы так обрушиваетесь на так называемых соціалистов большевиков, на „неумѣренность" рабочих.

Нѣт! господа. Погодите. Неумѣренность еще впереди — в панархизмѣ!

Неумѣренность еще откроется в грозѣ и бурѣ соціальной и культурной революціи!

Буржуазные клеветники.

Совершилось. Грудь революціи растерзана, зіяет рана — Рига, Эзель—,предсмертными судоргами бьется сердце революціи—Петроград.

Уж доносятся до нашего воображенія грохот пушек, взрыв шрапнелей, свист пуль, дрожит земля, дробится небо, вселенная—будто трескающійся глиняный горшок: рыданіе, стон, плач, послѣдніе вздохи умирающих. И над всѣм этим міркрушеніем высится исполинскій хохот, хохотъ сатаны. Вотъ он довершает свою послѣднюю волю, надруганіе над своими жертвами. Вот он торжествуя и ликуя, бѣшено пляшет на трупах, весь в черной грязной пѣнѣ. Вот он в черном фракѣ, дико хохочет фрак, дико хохочет побрякивая, золотая цѣпочка, дико хохочут вздутыя ноздри, дико хохочет, подпрыгивая, на нем цилиндр. Хохочет он, изрыгая море грязи и клеветы: изо рта, из носа, глаз, ушных раковин, из пальцев, из каждаго волоса на головѣ струится, хлыщет грязь, смрад, ругань, мерзость, клевета. Так и брызжет из-под чистенькаго галстука, из-под чистенькой манишки... Плюет, плюет все кругом него, все изнутри него...

Кто этот пляшущій на трупах дьявол, этот источник грязи и клеветы?

Этот дьявол—буржуазная пресса, это гигантская *клоака*, начало которой *ставка*, а конец—Невскій проспект и редакція „Русской воли" на Ивановской.

О ты, океан красной революціонной, свѣжей, дымящейся крови под Ригой, о, ты покрыт презрѣнным толстым покровом буржуазных плевков!

Алая кровь, кто тебя превратил в бѣлый плевок?

Красная кровь, горящій факел протеста будущим вѣкам, будущей культурѣ—кто тебя потушил?

Буржуазная пресса.

Горит яхонтом красная кровь, бунтуется, пѣнится, турлит—сверлит разбойничью землю, угрожает лживым имперіалистическим небесам.... Идет красный шквал. Под тяжестью грѣха даром пролитой крови гнется земля, как мыльные пузыри, лопаются буржуазныя небеса, рухнет трон буржуазнаго бога, кубарем-Перуном летит он в бездну прошлаго невѣжества... Идет красный шквал, но по дорогѣ он встрѣчается, сталкиваясь, с Гигантской клоакой буржуазной прессы—и вот он стоит, мутится, оплеван, загрязнен.

Красный шквал смотри: вот буржуазный дьявол, весь клоака, всхлебнул тебя в себя, а с другой стороны выпускает смрад, грязь...

Стон и вздохи умирающих, вот Буржуазный дьявол превращает вас в хохот, в издѣвательство над погибшими.

Судороги, корчи, агоніи, вот Буржуазный дьявол вас претворяет в свою пляску. Вот пляшет „Русская воля" на трупах солдат, матросов...

Солдаты и рабочіе! неужели вы дадите им издѣваться над вашей смертью, как они издѣваются над вашей жизнью? Неужели вы им продали за паек вашу смерть, как вы им продаете невольно вашу жизнь, ваш труд?

Буржуазная пресса! уймись, поганая! ты оторгашила жизнь,—не смѣй торгашить смерти.

Грозная смерть мстительна, она доберется и до вас, торгашей пера.

Страхи Мартова перед тѣнью Соціальной Революціи.

Мартов об'ят ужасом. Страхи, страхи да страхи. Тут даже не приходиться говорить о таком страшилищѣ, как соціальной революціи, даже дрябленькій противный лозунг „вся власть Совѣтам" не дает спать Мартову; его больной фантазіи уже в ней мерещатся страшныя вещи, хоть большевики с Лениным во главѣ уже охрипли повторять, что они вовсе и нисколько не намѣрены „завести соціализм" (слова Ленина), ибо и они сами—Боже упаси!—не какіе-то еретики-анархисты, и они сами хорошенько знают, что Маркс не дитя, и даже с-ровец Михайловскій не дитя, а если анархисты не стыдились бы отвѣтить „философу", кооператору Беркенгейму, что Маркс и Михайловскій именно дѣти, дѣти буржуазной науки, и что если мы бы завели соціализм или коммунизм, даже анархизм, еще больше пананархизм (всеанархизм), все же никакой „Естественный Процесс" никакіе „Вѣчные Законы" (которыми пугал „великій мыслитель" кооперація) нас не сожрали бы, ибо эти чудовища никогда не осмѣливаются выйти из темной чащи книжных шкафов, из дебрей схоластики и казуистики (крючкотворства) и из логовищ глупых голов,—то большевики бы за это науко-марксо-хульство сожгли бы нас, анархистов, на кострѣ в „Рабочем пути", который кстати всегда горазд бить лежачую религію, обрушиться на попов и т. д. за их участіе в войнѣ, но никогда не осмѣлился задѣть проклятых ученых академиков и профессоров, фактически болѣе виновных в міровой бойнѣ, чѣм попы (напомним о воззваніи, подписанном нѣмецкими „свѣтилами" науки, Вундтом и проч. и проч.). Сколько большевики не стараются смыть это пятно намѣренія завести соціализм, снять это подозрѣніе, увѣряя и божась, что они лишь мечтают дѣлать маленькіе крошечные дѣтскіе шажки к соціализму, ну, два раза гоп! гоп!—и стоп!—все это ничего не помогает в смыслѣ достиженія успокоенія расходившихся мартовских нервов.

Нѣт! Все таки им довѣрять нельзя—разсуждает Мартов.—А что им сдѣлаешь, когда власть будет в их руках, в руках большевитскаго Совѣта, а они сдѣлают шажок не дѣтскими ботиночками, а рабоче-солдатскими сапожищами. Правда, анархисты говорят, что их большевизм как мой интернаціонализм—грош ему цѣна. Это хотя и вѣрно. Но бѣда то именно в том. Может ли кто нибудь ручаться мнѣ за то, что какой-то анархист не прокрадется и не толкнет сзади Ленина, а тот вмѣсто условленнаго шажка, так и полетит к соціализму. А там черт знает, что выйдет; послѣ и меня припекут. Вѣдь, между нами будь сказано, и событія 3—5 іюля дѣло рук анархистов с дачи Дурново... Ленин сам никогда на такія дѣла не пошел бы, а между тѣм и наш брат, наша (наши ли, впрочем?) Новая жизнь чуть ли не тогда попалась из-за них. Хорошо, что здравый смысл взял верх, и она отказалась печататься в типографіи Новаго Времени за время захвата ее анархистами (кстати родственная типографская связь между этими двумя однотипографскими дает себя чувствовать...), а то худо пришлось бы.

Точно так же теперь не мѣшает огородать. Впрочем, и сам я довольно таки трушу перед соціальной революціей.

Соціальная революція это же не искра, при которой можно закурить меньшевитскую папиросу. Правда нѣкоторые говорят, что Соціальной революціей мигом можно было бы, даже при ея провалѣ, ликвидировать войну, а я же интернаціоналист. Но, черт побери! Я боюсь. Я лучше буду поддерживать войну, возстановленіе боеспособности, буду голосовать за смертную казнь—лишь бы не соціальная революція!

Так навѣрное разсуждает про себя Мартов.

Так страх перед Соціальной революціей заставляет их отшатнуться даже от мизерной нами с точки зрѣнія анархизма заброшенной диктатуры пролетаріата.

„Дѣло в том, чтобы так понимаемая диктатура Совѣтов не превращалась в диктатуру части пролетаріата, арміи и крестьянства, готовой осуществить не демократическую, а соціалистическую или полу-соціалистическую революцію (Мартов. Искра. № 2).

Вот как отошли меньшевики-интернаціоналисты от революціи под угрозой соціальной революціи.

Очередь скоро настанет за большевиками. Посмотрим останутся ли они, по крайней мѣрѣ, на своем посту, на линіи „шажков к соціализму", когда, при затяжкѣ войны в четвертом году, по истинѣ грянет гром Соціальной революціи или же они тоже пойдут за меньшевиками-интернаціоналистами в лагерь контрреволюціи, тушить оттуда вспыхивающую зарю наступающаго дня.

Дня Угнетенных, Дня Соціальной и Культурной Революціи, дня освобожденія человѣка от Голода, Рабства и Предразсудка.

Хлѣб, Воля и Правда Всѣм. Все—Всѣм!

Страх перед соціальной революціей.

Страх перед соціальной революціей, боязнь, чтоб солдат не перешагнул границу желательной и поощряемой орденами и крестами преступности убійства на войнѣ, к нежелательной „преступности", к самосудам, грабежам, аграрным безпорядкам и т. п., а через них самому страшному и преступному—к строительству новой формы общественности, была самой главной пружиной корниловскаго заговора. Его ясно и отчетливо формулировал Корнилов на московском совѣщаніи, утверждая, что без введенія желѣзной дисциплины в армію и мира заключить нельзя, ибо при демобилизаціи солдаты разграбят собственную страну, что означает для того, кто умѣет вникнуть в туманность буржуазных рѣчей, по-просту: солдаты, возвращаясь домой устроят соціальную революцію.

Страх этот фигурировал во всѣх тайных приказах, переписках генералов и

государственных мужей за все время революціи. Это так просто и естественно, что нам остановиться на этом не стоило бы. Генеральство и помѣщичество никогда не были с революціей, а буржуазія сейчас же на второй-третій день испугалась и начала пятиться назад. Этот первый отход от революціи уже является дѣлом исторіи. А если хотим здѣсь указать на что-то новое, совершающееся сейчас на наших глазах так это уже даже не на *второй* отход от революціи, отход господ оборонцев, этих Чхеидзе, Церетелли и проч. перешедших в лагерь контр-революціи к буржуазіи, с которой забаррикадировались, по изгнаніи из совѣта, в контр-революціонном Предпарламентѣ,—а на третій отход.

Приходится констатировать, что от революціи начинают отойти и меньшевики-интернаціоналисты, и „Новая жизнь" начинает помахивать на „Новое время"...

И меньшевики и новожизненцы пребывают в одном страхѣ перед соціальной революціей.

Читайте № 143 (от 3 октября) Новой жизни, вы убѣдитесь, что третій отход их от революціи уже совершившійся факт.

Начало, конечно, этот отход имѣет в вѣчном, с перваго дня основанія ея, виляніи, неясности позиціи и взглядов „Новой жизни". Кристаллизовался он в статьях о самосудах, написанных a-la Биржевки, той грязной „Биржевки", которая лѣтом посвятила стихотвореніе в прозѣ одному каторжанину, совершившему подвиг и изрубившему порядочное количество нѣмцев, и с наступленіем самосудов забила тревогу, вспомнила вдруг о цѣнности жизни человѣческой, о христіанствѣ, заговорила чуть ли не о всѣми забытом ненужном и лишнем писателѣ земли Русской, Л. Н. Толстом. Буржуазная печать, буквально пьянѣющая от крови на фронтѣ, ликующей при всяком наступленіи или пораженіи (это ей безразлично: лишь бы побольше крови, хотя присматриваясь проницательнѣе, мы и видим, что именно жертвы русских солдат ее радуют больше, чѣм нѣмецких, по той простой причинѣ, что русскій солдат, называемый ими, напр. патріотической Русью, Волей, не иначе, как вандалом, ни ненавистнѣе и страшнѣе), разрыдалась плачем Іереміи о самосудах. Кровожадные вампиры вопиют о голубиной кротости. За ними, за буржуазными вампирами, не отстала и „Новая жизнь". Правда „Новая жизнь" против войны. Но гдѣ ея статьи против войны? Об этом колоссальном разбоѣ, из-за попустительства котораго всѣ еще не озвѣрѣвшіе люди должны смотрѣть на себя как на убійц и от кошмара котораго всякій сознательный человѣк должен краснѣть со стыда оттого, что он еще не сошел с ума—умалчивать и ограничиваться избитыми трафаретными пацифистическими безцвѣтными фразами, и горевать о самосудах и аграрных безпорядках—развѣ это не биржевочная контр-революція?

Только раз к трехлѣтней годовщинѣ срама европейской некультуры (ибо культуры в Европѣ все равно нѣту, а есть лишь капиталистическое и научное варварство)! Горькій написал нам нѣсколько истинно-монументальных, дышащих вѣчной несокрушимой силой Правды строк,—но с тѣх пор ни духу ни слуху.

Мы не виним Горькаго: от ужасов этого кошмара нерѣдко душа нѣмѣет, тупѣет, впадает в столбняк.

Но гдѣ же тогда взять безстыдство, чтоб возстать во имя соціал-демократической морали, во имя продажнаго и преступнаго суда против самосудов над виновниками міровой бойни, над тѣми разбойниками, на совѣсти которых лежит уж, быть может, не одна бойня...

Мы, конечно, не говорим тут с этими соціал-демократическими контр-революціонерами с нашей анархической точки зрѣнія, отрицающей и суд и самосуд, но всегда предпочитающей послѣдній, как случайное зло-насиліе, первому, организованному злу, систематическому насилію,—а с их „пацифистически-либеральной". Какое-же осужденіе или еще возмущеніе может быть против людей, посылаемых на разбой и убой, возставших и убивающих их убійц, т. е. людей, организующих этот мировой разбой?!

А это пишут люди, именующіе себя интернаціоналистами, пацифистами?! что сіе означает?!

На это есть лишь один отвѣт:

„Пацифисты (миролюбцы)", увидя, что исход мировой бойни клонится к соціальной революціи с лозунгом:

Убійство убійць и экспропріація экспропріаторовъ—уже бьют отбой. Страх перед соціальной революціей гонит их в лагерь контр-революціи и заставляет этих своеобразных новожизненских (читай: старожизненских) и искровских (была когда то искра, да и та потухла)! „интернаціоналистов" заботиться о „боеспособности" арміи, вздыхать об утерянной дисциплинѣ, и печатать ново-временскія статьи вродѣ той „Как предотвратить развал фронта" (№ 143).

А вот вам и самый пацифистическій-интернаціоналистическій перл.

„Массовый самовольный уход—начинается статья—полками с фронта, это худшее, что может произойти с Россіей. Помимо полнаго военнаго разгрома, это обозначало бы и голодный мор среди уходящей арміи, так как армія может самовольно сняться с мѣста, но дойти до дома не может, а погубит только себя, закупорив пробками дороги, умрет с голоду в разграбленной странѣ".

Ну, не Новое ли это время? Так и напрашивается невольно возглас: Да здравствует первый солдат русской арміи, генерал Корнилов! это же вы говорили на московском совѣщаніи. Почему же вы арестованы, а новожизненцы гуляют на свободѣ?

А вот вам и достойный конец этого пацифистическаго манифеста: „Ко всѣм народам"! „старо-новой жизни".

„Как это ни странно,—заключает господин пацифист—один корпус самовольно перешел в довольно удачное наступленіе, требовавших же наступленія было нѣсколько. Если вѣрить и дѣлать то, во что мы вѣрим, то еще можно ждать лучшей участи—(там же).

Недостает только прибавить:
Назад к Корнилову!

Рабочіе и фабриканты.

Встрѣчаясь с фабрикантами и обывателями, вы слышите одну пѣсенку: рабочим сейчас лучше нашего живется, у них и деньги и хлѣб, словом все, а у нас ничего, дома хлѣба нѣт, дѣти голодают; рабочіе обжираются, а мы впроголодь живем.

В отвѣт на это мы задаем два вопроса;

Почему это на Невском проспектѣ толстых брюшек, почтительных пуз, жирных подбородков, красных, как раскаленное желѣзо, шей не меньше стало, и на Выборгской сторонѣ все тѣ же изможденныя лица, тощенькія фигурки городского пролетаріата. Никто еще из рабочих не страдает, славу богу, ожирѣніем, хотя не смотря на „голод" эта болѣзнь продолжает свирѣпствовать на Невском и в других буржуазных районах... Неужели, господа буржуи, жирѣют от одних вздыханій по Корниловѣ и предвкушеній сладости прибытія нѣмцев с их „твердой властью"...

А вот и второй вопрос—отвѣт:

Если рабочим так хорошо живется, если рабочіе катаются как сыр в маслѣ, почему бы и вам не покататься сыром в этом маслѣ... Вы, конечно, выбираете лучше кататься на автомобилях—увы!—голодными, чѣм ѣздить в тѣсных трамваях сытыми. Напрасно. Слѣзайте с автомобилей, прицѣпитесь сзади к любому из трамваев, и поѣзжайте на вашу же фабрику, поступите в нее рабочим и сразу станете счастливым: и сытым, и богатым, и без ожирѣнія, и без головоломленія насчет того: как бы рабочим разсчет предъявить..

Впрочем, есть еще один путь: поступите добровольцем в армію, одѣньте солдатскую шинель и сразу станете сытым и ожирѣніе пропадет, ибо хотя солдаты „обжираются", но от вѣчнаго безплатнаго „комфортабельнаго" катанья по трамваям „в прицѣпку" от них остается одна шинель да кожа и кости.

Однако, этот путь, путь к сытости назрим, немножко, признаться, опасен: вдруг возьмут (вас и, несмотря на то, что вы интернаціоналист, пацифист, большевик, максималист (ибо всякій буржуй интернаціоналист капитала, пацифист, желает единства и мира классов, большевик, жаждет побольше наживы, максималист, стремится к максимуму эксплоатаціи), отправят на фронт, гдѣ вы можете потерять от сытости газами или осколками шрапнели „мѣсто для цилиндра", т. е. голову.

Остается поэтому первый самый надежный и не затѣйливый проект совѣт наш:

Господа буржуи, если вы не хотите быть голодными, как покупатели у братьев Елисѣевых, и бѣдными, как исполняющіе военные заказы, то поступайте же скорѣй рабочими на наши же фабрики.

Но я знаю, что вас удерживает от этого счастливаго для вас шага—перспектива нашего торжества, торжества анархистов. Вы не хотите доставить нам удовольствіе видѣть как помѣрно будут покачиваться ваши толстыя брюшки в унисон станку.

Вы не хотите Коммуны с нами, сытыми, так голодайте же, бѣдненькіе буржуи!

Пѣсни Союза пяти угнетенныхъ.

I.

Пять красок знамени.

Рабочій:
Огонь и кровь и слово красно.
 Слова горят:
Борьбы могучій Бог свят, свят!
 И символ вѣет,
И достиженьем спѣлым зрѣет.

Угнетенная національность:
Бѣлѣет парус грез в дали, стремленья
 И мир-ладья,
По жизни рѣк волнам скользя,
 В Туда умчалась,
Дѣйствительностью собраталась.

Женщина:
И розами восток усѣян.
 Рождается
Разсвѣт, небесная краса
 Луч день цѣлует,
День вечер ласк и нѣг дарует.

Личность:
Нас манит средь цвѣтов фіалка,
 Цвѣт голубой,
Творящей вѣры сын родной,
 Отец сказанья
И мать роднаяynованья.

Молодость:
И младонива зеленѣет,
 Пришла весна,
Времен волшебная струна
 На скрипкѣ года
Поет нам вешность, младость рода.

II.

Пять идей.

Пять идей.
 У древа новой жизни
Пять корней.
 Земля их влагою питает
Растит и взращивает.

 Уходят корни
Во глубь... и глубь глубже...
 Уходы так высоки, горни...
Из под земли
 Несут порыв в взлет ... зыв, глас в дали.

Пять идей.
 У древа новой жизни
Пять вѣтвей.
 Роса их влагою питает,
Поит и орошает.

 Уходят вѣтки
В высь, в ширь... и шире шире...
 Кореньев вѣрны дѣтки.
Листы их шелестят
 И с геніем полета говорят.

Пять идей.
 У древа новой жизни
Пять корней.
 Земля их влагою питает
И море омывает.

Бр. Гордин.

Апрѣль 1917 г.

Пять дней в странѣ Анархіи.

I.

УХОД

Я возмущался существующим безпорядком. Невмоготу мнѣ стал кнут закона, бич большинства. Не выношу принужденія. Не стерплю насилія.

— Нѣт, я дольше здѣсь жить не буду!—говорило во мнѣ мое сердце, кричал во мнѣ мой разум.

— Так жить не могу!

Я жажду воли. Противен мнѣ лязг цѣпей. Подальше от страны оков и порабощенія Я вѣнценосный царь, а тут государство рабов, чужое, враждебное, вражье царство, державіе безличія и безволія.

Кругом тюрьмы, арестантскія, полицейскія, коммиссаріаты, судьи и судилища, парламенты, говорильни, гдѣ словом творят мір закрѣпощенія и неурядицы—это не выносимо.

Меня манит даль. Меня зовет счастье. Меня зовет необъятность, безконечное пространство,—а тут желѣзная клѣтка... Держава и я в ней звѣрь, подданный.

Я личность. Кто смѣет мнѣ приказывать, повелѣвать.

— Я ухожу.

И стал я собираться в путь-дорогу.

— Пойду искать страну воли и свободы.

Что взять с собою?

Возьму с собою стремленіе. Единственный вѣрный друг мой. С ним я не разстанусь.

Больше ничего не возьму. Я пойду налегкѣ, чтобы легче было уйти и легче было прійти...

Я все забуду. Забуду зло, забуду всѣ дикія безобразныя привычки, права и обязанности, царящія в странѣ безобразія и власти.

Возьму с собой забвеніе.

Я сжег всѣ книжки, которыя лежали у меня на столѣ, и которыя находились в моей головѣ.

Я сжег. И как я радовался огненным безпощадным языкам...

Груда книг стала кучей пепла. Я дунул в пепел вѣтром сомнѣнія—и пепел унесся, разсѣялся во всѣ четыре стороны.

Я ухожу.

Проклятіе тебѣ, страна кабалы, рабства, произвола, угнетенія.

Проклятіе тебѣ, страна беззаконія, власти, тюрем, парламентов, царей, президентов.

Проклятіе тебѣ, страна лжи и обмана, ограниченности ума и узости сердца.

Проклятіе тебѣ, страна вѣры—безвѣрія, знанія—невѣжества, традиціи, шаблона, рутины.

II.

ВСТРѢЧИ.

Я в пути. Иду горами, иду долами, иду полями, иду лѣсами.

Издали чернѣет точка.

Я приближаюсь.

— Будто человѣк.

Боже, как он медленно плетется, еле передвигая ноги.

Исхудалый, измученный, впалая грудь, мозолистыя руки. Видно *рабочій*.

На нем три огромных мѣшка. В одном лежат 5 милліонов избирательных голосов, а в другом много книг, книжек, программ, резолюцій, уставов.

В третьем: партіи, центральные комитеты, исполнительные комитеты, районные комитеты, лидеры, главари, представители.

Он идет согнувшись в три погибели.

Я поравнялся с ним.

Кто ты?

— Не знаю. Посмотрю в книжку, в программу. Или спрошу у комитетчика, что ѣздит у меня на спинѣ, в мѣшкѣ.

Я смѣялся над ним.

Он обидѣлся и желая поставить меня в неловкое положеніе, сказал:

— А ты кто?

Я не смущаясь, отвѣтил.

Что за вопрос? Я—Я.

Он растерялся, видя его растерянность, Я ему сказал, ты, судя по твоим мозолистым рукам. Рабочій, не так ли?

— Да, я рабочій.

Я совсѣм было забыл...

Лидеры зовут нас по-иному: меньшевик, большевик, соціал-революціонер и еще уйма кличек и названій, так что я совсѣм запамятовал, что я Рабочій и есть.

— Спасибо, что напомнил—добавил он скороговоркой.

— Откуда бредешь?

Я иду из страны капитала. Меня присудили там злые люди к вѣчным каторжным работам. Меня, мою жену и моих дѣтей.

— За что?

— Ни за что. Говорят, что за то, что мои предки не умѣли воровать, обвѣшивать, обмѣривать, торговать. А в странѣ капитала, кто не умѣет воровать, тот считается преступником.

— Куда идешь?

— В страну счастія.

— И я туда иду. Идем вмѣстѣ. Вмѣстѣ веселѣй будет.

— Идем.

Мы пробовали идти вмѣстѣ. Но я не мог ходить съ ним. Он так медленно двигался.

— Почему ты так тихо идешь.

Нельзя ли пошибче?

— Видишь, мои лидеры мнѣ говорили, что в страну счастья надо идти медленно, тихохонько, шаг за шажком.

— Они врут. Смотри, как я шагаю. Слѣдуй за мной!

Он дѣлает усиліе держать один шаг со мною, но не может. Слишком тяжела ноша, которую он тащит на спинѣ.

— Не могу. Тяжело. Я совсѣм умаялся. Тяжело дышет.

— Брось эти мѣшки. С плеч вон!

— Жалко.

Чего тебѣ жалко? Они тебѣ только мѣшают.

Он стряхнул плечами. И первый мѣшок с „голосами" упал, и разсыпались голоса.

— Боже, какіе пискливые!—и разсмѣялся.

— Брось и второй мѣшок.

Он опять стряхнул плечами. Упал второй мѣшок. Разсыпались всѣ книжки, программы и проч. и попали прямо в лужу.

— Туда им и мѣсто—он разсмѣялся.

— Легче стало—сказал Рабочій вздохнув.

— Брось с себя и третій мѣшок. Гора с плеч.

Он послушался. И посыпались партіи, ц. к. и проч.

Рабочій выпрямился. Вздохнул полной грудью и сказал:

— Как легко мнѣ стало. Окаянные, чего они сидѣли у меня на шеѣ!

— Мнѣ кажется, будто я птичка. Я так и унесусь...

— В страну Счастія надо идти без багажа... сказал я, улыбаясь.

— Идем. Теперь я тебя пожалуй и обгоню.

— Не обгонишь. Вмѣстѣ рядом пойдем.

— Но скорѣй—сказал Рабочій.

И мы пошли. (*Продолженіе слѣдует*).

Из недалекаго прошлаго.

I.

Ссора между черным фраком и генеральской подкладкой.

Была страшная свалка...
Мір как в морѣ балка—
Два океана в спор вступили,
Чьи бы волны землю затопили?
Вишь земля трясется—испугалась,
Небо—в прятки, заволокивалось—
Два ли Бога взялись состязаться,
Мір так уничтожа, потѣшаться?
Нѣт! то черный историческій фрак,—
Встарь с.-р. эс.-эровку взял, был брак—
Ссорится со „ставочной" подкладкой,
Мір ему отвѣтил лихорадкой.

II.

Элегія о порфирѣ

(стихотвореніе в прозѣ).

„Черный историческій фрак!" не черное ли ты сукно на покойникѣ—эс.-эровизмѣ?

Доброе, милое, злодѣйски—величественное старое время! как ты измельчалось, как ты жалко и убого!

И, гдѣ вы великіе міровые разбойники—человѣчества кроводойники.

Ваше мѣсто заняли мелкіе воришки, дипломатишки—адвокатишки.

Уж не Александры Македонскіе, а Александры Федоровичи диктаторствуют над обмѣщанившейся землей.

Разбойничья порфира, как то ты выдохлась в черный фракишко!

Загорѣлась порфира послѣдним закатом в генеральской подкладкѣ Корнилова. Но—увы!—быстро погасло пламя вина и крови...

Коптится эс.-эровскій черный фрак, лживо суля землю и волю и давая черный гроб и черную долю.

О, осѣни нас, Порфира, твоей Троицей: кровь, вино и красна дѣвица...

Ты цинично пьешь кровь на глазах всего міра, но ты менѣе лжива, чѣм черный фрак, перекрашивающій по ночам свои кровяныя нитки черными чернилами.

Ты разбойник, но меньшій лицемѣр!

Ко всѣмъ товарищамъ анархистамъ!

К вам, товарищам, без различія направленія, обращается наше слово.

Вам, товарищам, уже стоящим у живого источника анархизма, еще болѣе чѣм другим нужна наша живая ключевая вода, очищенная и профильтрованная от буржуазной мути не только жизни, но и мысли и науки.

Алкающіе и жаждущіе, блуждающіе по пустынѣ буржуазной культуры, придите и оживите вашу душу.

Товарищи! вот вам слово, чистое от буржуазной лжи, обмана и предразсудка, чистое от буржуазной науки.

Товарищи! долго вы томились в плѣну у буржуазной мысли, буржуазной науки, буржуазной культуры. Сколько вы ни старались выплюнуть ее, эту буржуазную мысль-науку-культуру, она осталась в вас, заставляя вас дышать ея отравленными газами, ибо она была вашими легкими, а выплюнуть ее значило для вас духовно умереть—значило выплюнуть человѣческую мысль, сказать мозгу-уму: остановись! перестань работать, ибо ты буржуазно выстроен.

Но вот пришла философія анархизма и освободила вас от духовнаго рабства у буржуазіи, освободила вас из буржуазнаго духовнаго плѣненія.

Вот пришло к вам слово Угнетенных, свободное от всѣх буржуазных примѣсей,—пришел к вам чистый анархизм (чистый и от буржуазной культуры), это пананархизм (всеанархизм), означающій анархизм и в культурѣ. Анархія не только в политической жизни, но и во всѣх других отраслях, углах и закоулках, да и не только в обществѣ, но и во вселенной; вселенческій анархизм—Пананархія—всеанархія, вездѣ анархія и сейчас анархія.

Этот пананархизм расширен, слѣдовательно, и в соціальном отношеніи; он призывает к совмѣстной самозащитѣ, к совмѣстной борьбѣ, к совмѣстному самоосвобожденію всѣ пять угнетенных коллективов современнаго общества: Работника, Женщину, Угнетенную Національность, Учащуюся Молодежь и Развитую Личность.

Он свѣточ, он труба, он барабан, он бьет тревогу, он трубит призыв:

Настал великій час объединенія, борьбы и побѣды всѣх Угнетенных.

Освобожденіе Угнетенных—дѣло самих Угнетенных.

Товарищи! вы видите мы пришли не убавить, а прибавить.

Мы пришли не отсрочить Соціальную революцію, а ускорить.

Товарищи! не убойтесь новаго слова, не страшитесь новизны. Стыдно анархисту быть мѣщанином мысли, трусом духа. Наши ряды никогда не знали трусов. Не цѣпляйтесь за старый уходящій буржуазный мір; не цѣпляйтесь за старую буржуазную культуру, ибо она заманит вас, завлечет вас в старый буржуазный угнетательный мір.

Вы не трусите перед браунингом и бомбой, так не трусите же и перед буквой, перед волхвами буржуазной науки.

Не убойтесь новаго слова, исходящаго из собственнаго вашего сердца, из собственнаго вашего ума, из собственной вашей души. Вѣдь пананархизм, в сущности, всегда, еще до вашего знакомства с ним, был валелѣянной мечтою всякаго из вас, ваше сердце всегда тосковало по нем, ваша мысль всегда горѣла священным желаніем высвободиться из тисков буржуазной науки, раскрѣпоститься от всего буржуазнаго, от всего угнетательнаго—а вот эта ваша мечта облеклась плотью и кровью, предстала пред вами во всем блескѣ человѣческаго остроумія, во всей плѣнительности и убѣдительности своих доводов, во всей заманчивости своих широких и вольных горизонтов. Не чуждайтесь же ея, не чуждайтесь „самого себя", собственных пожеланій, не поворачивайтесь спиною к предмету вашего вождѣленія и томленія.

Товарищи! ваша же душа искони вымаливалась к вам: „давайте, оттряхнем прах буржуазнаго міра с себя!" и внемля этому внутреннему голосу вы частехонько между собою поговаривали:

Давайте, братья, оттряхнем буржуазный мір с ваших ног и душ.

Но, дорогіе товарищи, вам до сих пор удалось оттряхнуть его лишь с ваших ног, а не с ваших душ, ибо он, окаянный и лукавый, гнѣздился в глубинѣ, на днѣ вашей души. Он преспокойно почивал там, мефистофельски издѣваясь над вашим безсиліем. Отворачиваясь от буржуазнаго міра, как от чумы, он жил-был внутри вас, хозяйничал в вашей душѣ, в вашем умѣ, в ваших мыслях—это наука.

И вы, воспитанные на ней, на этой лживой, обманной и разбойничьей наукѣ, разбойничьей культурѣ, воспитывали на ней и ваших дѣтей; вы и народныя массы воспитывали на ней в ваших рѣчах, статьях, лекціях, брошюрах, книжках и книгах.

Но вот давайте провозгласим:

Буржуазная культура—религія и наука—не наша культура, не культура Угнетенных, не культура трудящихся.

Культура Угнетенных это не вымысел религіи и науки, не измышленіе надчувственных міров, а пересозданіе реальнаго чувственнаго міра. Культура Угнетенных это не фабрикація духов, чертей, молекул и эфиров, вѣчных законов, естественных процессов и соціальных природ, а перекраиваніе, перестраиваніе міра и общества.

Культура трудящихся всегда был и будет труд, а потому наша культура, истинная, не обманная, это труд—техника, пантехника (всетехника). Рабочія массы, трудящіеся дали міру величайших геніев техники, Стефенсона, Уатта и др., но ни одного волхва религіи, ни одного кудесника науки. Трудящіеся ничего общаго не имѣют с лѣнтяйской религіей и праздношатайской наукой.

Нам не нужны сверхчувственные міры религіи и науки, нам не нужно царства небеснаго, не нужно царства будущаго а Хлѣб, Воля и Правда на землѣ и в настоящем.

Ложь религія, ложь наука, правда одна техника, истинна она лишь одна, она чувственная.

Откроем же наконец глаза, чтоб видѣть истину, прозрѣем же наконец, чтоб увидѣть вашу наготу и срамоту: мы нагіе европейскіе дикари; „новыя платья", отвлеченно-тонкія, сшитыя для нас научными шарлатанами, — вно, паутина. Разсѣем же туман лжи, которым окутали нас попы, ксендзы и брамины, академики, ученые и профессора.

Давайте, не послушаемся религіозных попов, не послушаемся научных попов!

Бросим боги, черти, кресты и иконы, бросим природы, естества, молекулы, атомы, эфиры; матеріи, энергіи, причинности и эволюціи, бросим законы природы и законы государства—и будем творить Пананархію, Безцарствіе земное, Безцарствіе настоящего.

Апостолы истиннаго анархизма! идите в народныя массы и спасайте их от суевѣрія религіи—науки—их еще можно легко спасти, ибо они еще „некультурны", значить не попали в сѣти науки.

Идите. Нѣт, неситесь, как на крыльях вѣтра, ибо дорога каждая секунда. Услышьте вопль душ погибших наших братьев, запутавшихся в тенетах буржуазной лжи, науки и навсегда прозѣвших для нашего святого дѣла освобожденія человѣчества. Многіе почти весь рабочій класс, в „культурных" странах, в особенности в Англіи и даже Германіи уж, быть может, навсегда потеряны для прогресса, для дѣла освобожденія угнетенных—им не высвободиться из кровавых когтей научнаго невѣжества. Буржуазія „просвѣтила" их, т. е. привила им вѣру в незыблемые вѣчные законы исторіи, общества, в неприкосновенность Соціальной Природы, в непосягаемость капиталистическаго строя, в невозможность сразу и одним рѣшительным актом перестроить все хозяйство на коммунистических началах, внушили им суевѣріе эволюціи (развитія) в видѣ спенсеризма (трэд-юніонизма) одѣ реформы—или в видѣ марксизма—реформ с ожиданіем мессіи царства будущаго.

Спасайте же остальных, спасайте малосознательныя рабочія массы, не зараженныя еще буржуазной наукой, незнакомыя еще с ея представителем на пролетарской улицѣ—Карлом Марксом.

Идите, будите сознаніе угнетенных, еще не дошедших до сознанія своей угнетенности.

Будите сознаніе личности, угнетенной національности, учащейся молодежи,—женщины, и предупреждайте от заразы наукой Работника, рабочія массы.

Идите, сѣйте ересь, безвѣріе, безнаучіе, безвластіе, безугнетеніе, безначаліе кругом вас. Пусть взлетят на воздух буржуазные научные чертоги динамитом вашего слова, вашей мысли, вашего всеотрицанія, пусть гибнут буржуазные боги кумиры, т. е. Природы, пусть поруганными и повергнутыми в прах валяются у ног ваших буржуазные научные Перуны.

Вытравьте из народной души, из низов, из среды угнетенных религію и науку; очистите поле новой народной жизни от сорной травы религіи, не давайте забраться туда крапивѣ науки, а засѣйте ее розами Анархіи, лиліями Соціотехники.

Провозглашайте ложность религіи и науки и истинность одной техники, провозглашайте возможность и необходимость общестроительства, соціальной техники. *Соціотехники.*

Говорите угнетенным: лгут попы, лгут профессора, не ждите мессіи Христа, Будды, не ждите эволюціи (развитія) и царства будущаго—в любое прекрасные утро вы можете зажечь ваше солнце, солнце угнетенных, солнце, для всѣх; в любой момент, когда хватит сил, вы можете вырвать с корнем старый мір—вырвать так, чтоб и его мѣста не узнать!—и насадить новый, в любой миг вы можете видѣть вашими собственными глазами, здѣсь на землѣ и в настоящем, ваше собственное счастье, счастье всѣх.

Ломайте жизнь! смѣлѣй, смѣлѣй! живѣй, ударьте! рубите так, чтоб щепки летѣли! замахнитесь топором во всю ширь, во всю удаль, во всю жажду всеразрушенія.

Стругайте, пилите так, чтоб опилки затемнили золотой свѣт буржуазнаго дня.

Рубите, пилите стругайте—и стройте новую жизнь, новую землю, новыя небеса, но не завтра, а сегодня.

Сѣйте всеразрушеніе и пожинайте всесозданіе!

Будьте разрушителями и строителями, будьте техниками жизни, Соціотехниками!

(Конецъ в слѣдующем номерѣ).

Ко всѣм угнетенным!

Освобожденіе угнетенных—
дѣло самих угнетенных.

Угнетенные! к вам взывает ваш собственный голос.

К вам взывает ваше вѣковое горе, ваша вѣковая нужда, ваши вѣковыя муки, ваше вѣковое угнетеніе.

К вам взывает ваша исторія, исторія крови и слез.

К вам взывает прошлое. К вам взывают окровавленные спины рабов, вздохи засѣченных мужиков.

К вам взывает настоящее. К вам взывают убогія хижины, лачужки деревни. К вам взывают подвалы и вышки городов.

К вам взывает безглазая землянка Батрака.

К вам взывают изнеможденныя лица рабочих.

К вам взывают блѣдныя губы и восковые личики дѣтей, окоченѣлыя ручонки и ножки.

К вам взывает легкія увядаемых на спичечных фабриках живых, молодых, блѣдных лилій.

К вам взывает Голод.

К вам взывают лохмотья и просвѣчивающееся через них вялое человѣческое тѣло.

К вам взывает Бездомность—безпріютные, грѣющіе свои „лишніе" члены у разложенных на улицах костров.

К вам взывает рабочий и безработный голодный люд!

К вам взывает ваша мать, битая, затравленная, замученная, сошедшая, по винѣ головой эксплуатаціи, преждевременно в могилу.

К вам взывает ваша сестра опозоренная, изнасилованная, высосанная и выброшенная.

К вам взывает узница спальни и кухни.

К вам взывает полчеловѣчество, отброшенное от культуры, прибитое, доведенное до тѣлеснаго и духовнаго вырожденія, опутанное и задавленное суевѣріем.

К вам взывает *женщина.*

К вам взывают заживо похороненные в окопах, обреченные на убой и разбой.

К вам взывают обманутые убійцы, убійцы с дѣтски-невинными душами.

К вам взывают горы трупов, башни черепов, океаны крови.

К вам взывают семь милліонов отрубленных голов, пораженных сердец, вывороченных кишек и семнадцать милліонов отсѣченных ног и рук.

К вам взывают истребленные и истребляемые так называемые „малокультурные", т. е. менѣе разбойничьи народы.

К вам взывают ограбленные индусы, притѣсненные ирландцы, обезволенная Познань, оголенная Польша, разгромленные евреи, попранные и поднимающіеся финны, закрѣпощенные и возстающіе украинцы, разоренные латыши и проч. и проч.

К вам взывает вопіющее, бездну и небо сверлящее зло: обманутая, одураченная, затравленная и натравленная угнетенная національность, посылаемая и идущая на усмиреніе другой угнетенной національности; это угнетенные казаки, низведенные на степень слѣпого орудія угнетенія; это „вольные" казаки, превращенные в рабов, цѣлующих розги и цѣпи, в холопов власти, в полицейских.

К вам взывает *угнетенная національность.*

К вам взывают заплаканныя дѣти, задавленныя ранцами-хранилищами книжной мудрости, запуганныя отмѣтками, блѣдные и малокровные от уроков, изнервничавшіяся от выговоров, искалѣченные тѣлом и душой душегубной школой.

К вам взывают искривленные позвоночники, и потухшіе глаза, искривленные умы и потухшія сердца.

К вам взывает доведенная экзаменами до самоубійства Молодежь.

К вам взывают узники школ.

К вам взывает живое зеленѣющее Творчество — Молодежь — превращенное в жвачное животное.

К вам взывает жизнь и энергію бьющая ключем Молодость, превращенная в дряхлое старчество.

К вам взывают юно-гладкіе лбы насильственно изборожденные морщинами, юно-гладкіе щеки, обѣленныя сѣдиной.

К вам взывают обманутые и одураченые в церковных школах и семинаріях, в университетах и академіях.

К вам взывает всѣ заклáнные Молоху глупости религіи и невѣжества науки, Молоху воспитанія.

К вам взывает *Ребенок и Учащаяся Молодежь.*

К вам взывают всѣ изнасилованные законами, постановленіями и распоряженіями.

К вам взывают всѣ судимые и осужденные; всѣ томящіеся в тюрьмах, гніющіе на каторгах; всѣ казненные, разстрѣлянные, повѣшанные; всѣ ограбленные государством, чиновниками, разоренные налогами, податями.

К вам взывает мрак карцеров и лязг цѣпей.

К вам взывает проклятіе, разбивающееся о сырую стѣну, сжатый кулак, опущенный на рѣшетку, скрежет зубов, умирающій на сухих губах, коченѣющія руки и ноги голодающих (голодовка).

К вам взывает свобода, распятая тюремщиками—министрами юстиціи.

К вам взывает скованный Прометей—Человѣк; его грудь, расклеванная хищными орлами власти.

К вам взывает *Личность.*

Угнетенные! к вам взывают пять ваших угнетеній.

К вам взывают и два ваших обмана, обман религіи, обман науки.

Вас угнетают и обманывают, обманывают и угнетают.

Но пусть услышит мір ваше грозное:

Довольно!

Пусть пробьет великій час вашего объединенія, вашего прозрѣнія, вашего освобожденія.

Соединяйтесь—откройте глаза и развяжите руки—и вы свободны!

Угнетенные! уничтожьте тюрьму государства и духовную тюрьму религіи—науки!

Уничтожьте власть кулака и власть Предразсудка, физическую и духовную власть угнетателей над вами!

Уничтожьте пять угнетеній и два обмана!

Долой власть, капитал, отечество, рабское воспитаніе и проституточную семью.

Долой религію и науку!

Да здравствует Соціальная Революція!

Да здравствует Культурная Революція!